

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

Къ исторіи развитія буддизма въ Забайкальскомъ краѣ.

Во время моей поѣздки по Забайкалью, случай доставилъ въ мои руки небольшую связку бумагъ, писанныхъ бурятскимъ текстомъ. То были разнаго рода письма, записки, росписки и т. п. бумажки, на первый разъ казавшіяся ровно ничего не значущими; къ тому же нѣкоторыя изъ нихъ были начаты и недописаны, другія полуразорваны, третьи уже поистерлись отъ времени. Словомъ, я оставилъ у себя эту пачку бумагъ едва ли не потому, что видѣлъ въ нихъ нѣчто бытовое, а по части быта для насъ является чистою находкою каждый клочекъ, писанный монгольскимъ текстомъ. Въ данномъ случаѣ я былъ однако награжденъ судьбою очень щедро. Разбирая содержаніе попавшихъ ко мнѣ писемъ и группируя ихъ въ одно цѣлое въ хронологическомъ порядкѣ, я увидалъ, что они представляютъ собою цѣлый эпизодъ изъ минувшей жизни Бурятъ и чрезвычайно картинно рисуютъ нѣкоторыя стороны бурятской общественной жизни, а особливо отношеніе этихъ инородцевъ къ буддизму и къ Монголіи, являющейся, какъ извѣстно, метрополіею буддизма для Бурятъ. Намѣреваясь теперь обнародовать эту нечаянную находку, я считаю необходимымъ предпослать изложенію ея краткій общій очеркъ развитія буддизма у Бурятъ, такъ какъ при этомъ, по моему мнѣнію, будетъ гораздо легче понять представляемые документы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Когда появился буддизмъ въ Забайкальи, сказать очень трудно. Съ населеніемъ забайкальскихъ степей мы познакомились впервые черезъ нашихъ казаковъ около 1648 г., т. е. въ первое же полустолѣтіе послѣ того, какъ буддизмъ былъ объявленъ господствующею вѣрою въ Халхѣ. Кочевавшіе тогда въ Забайкальи номады носили имя Тунгусовъ и исповѣдывали шаманскую вѣру. Тѣже казаки упоминаютъ однако о кумирняхъ, ламахъ и

ихъ богослуженіи, хотя мы и думаемъ, что едвали можно почитать эти кумирни за кумирни обращенныхъ въ ламаизмъ Тунгусовъ, — скорѣе они принадлежали Монголамъ. Сами Буряты въ своихъ лѣтописяхъ говорятъ, что они переселились въ Забайкалье, исповѣдая шаманизмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ и то, что нѣкоторые изъ нихъ уже и тогда признавали ламство и что вмѣстѣ съ простолюдинами изъ Монголіи перекочевали въ настоящую Читинскую область и ламы. Очевидно, что въ первое время, по переходѣ Буряты въ наши забайкальскія степи, буддизмъ если и былъ извѣстенъ Бурятамъ, то имѣлъ у нихъ очень небольшое значеніе и число ламскихъ поклонниковъ въ ихъ средѣ было весьма не велико. Собственно усиленное развитіе буддизма, по преданіямъ Буряты, началось со времени прихода въ бурятскія кочевья 150 ламъ изъ Тибета. Событіе это относится къ 1712-му году. Новоприбывшіе ламы поселились между селенгинскими и хоринскими родами, и вскорѣ своею проповѣдью, а еще больше медицинскою дѣятельностью приобрѣли себѣ полное расположеніе Буряты. Бурятскіе старшины росписали этихъ иноземцевъ по отдѣльнымъ родамъ своей общины и, желая закрѣпить ихъ за собою, подали прошеніе на высочайшее имя, въ которомъ ходатайствовали о предоставленіи помянутымъ ламамъ правъ и преимуществъ, присвоиваемыхъ духовенству. Трудно сказать, имѣло ли бы это единичное ходатайство Буряты значеніе у русскаго правительства, но успѣшному окончанію этого дѣла много способствовалъ Графъ Сава Владиславичъ Рагузинскій, ознакомившійся съ буддизмомъ въ періодъ своего пребыванія на востокъ для установленія государственной границы между Россіею и Китаемъ. Рагузинскій первый захотѣлъ поставить у насъ ламаизмъ на легальную почву и бурятскія лѣтописи всецѣло приписываютъ ему инициативу учрежденія въ бурятскихъ степяхъ ламской іерархіи. Изъ числа ламъ тибетцевъ онъ намѣтилъ въ главные ламы для селенгинскихъ родовъ — Наванъ-пунцука, а для хоринскихъ — дарханъ, нансу Лубсанъ-шараба. Все это дѣло окончилось уже въ 1741-мъ году, когда высочайшимъ указомъ императрицы Елисаветы Петровны у Буряты было учреждено 150, такъ называемыхъ, комплектныхъ ламъ, при чемъ они были освобождены отъ податей, тѣлеснаго наказанія и вообще получили права, присвоаемыя духовенству въ Россіи. Одновременно съ сямъ, по мысли Рагузинскаго и даже безъ просьбы Буряты, были утверждены и помянутые главные ламы съ званіемъ ширѣтуевъ. Духовная власть сосредоточилась такимъ образомъ въ однихъ рукахъ, а это, какъ извѣстно, имѣетъ громадное вліяніе на всѣхъ и у всѣхъ инородцевъ. Русское правительство опредѣлило дѣятельность и значеніе ширѣтуевъ, придало имъ такую силу, какой они никогда не знали даже въ Монголіи и Тибетѣ. Бурятамъ-простолюдинамъ оставалось только

повиноваться поставленнымъ надъ ними властямъ, ибо въ противномъ случаѣ имъ предстояла опасность попасть подъ кару новосоставленнаго закона. Ставъ подъ защиту русскаго закона, буддизмъ естественно началъ расти съ удвоенной силой. Какъ видимое доказательство справедливости этихъ словъ мы можемъ представить то, что по официальнымъ свѣденіямъ правительства въ 1756 г. въ бурятскихъ степяхъ было уже не 150, а 324 ламы. Одновременно съ этимъ усиленіемъ буддизма крѣпла и связь Бурятъ съ Монголоію. Преемникъ Наванъ-пундука въ званіи главнаго Ламы — Заяевъ получилъ свое начальное образованіе въ Монголіи и закончилъ его въ Тибетѣ; бывшій при немъ ширѣтуемъ лама Ахалдаевъ воспитывался въ Ургѣ. Въ 1767 году Заяевъ былъ отправленъ отъ бурятскихъ родовъ въ Москву для участія въ «Комиссіи по составленію новаго Уложенія». Здѣсь онъ представился императрицѣ Екатеринѣ II-й и поднесъ ей описаніе своего путешествія въ Тибетъ. Императрица милостиво приняла этого бурята, пожаловала ему пожизненную пенсію въ 50 р. въ годъ, золотую медаль и званіе «Ханболамы всѣхъ бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ». Само собою разумѣется, что этимъ титуломъ Екатерина только ставила Заяева первымъ между настоятелями буддійскихъ монастырей, находившихся въ кочевьяхъ Бурятъ и Тунгусовъ; но какъ истый буддійскій лама, Заяевъ, возвратившись въ Забайкалье, воспользовался этими наградами по своему. Онъ объявилъ, что медаль дана ему за усердіе въ изученіи и проповѣди буддизма, и что отнынѣ шаманство уже не имѣетъ права на свое существованіе въ Забайкальи: императрица-де повелѣваетъ быть всякому Буряту и Тунгусу буддистомъ, а не другаго какого либо исповѣданія, почему и пожаловала ему, Заяеву, титулъ «Хамбо-ламы *всѣхъ* бурятскихъ и тунгусскихъ родовъ». Теперь ламы еще сильнѣе начали распространять буддизмъ и открыто преслѣдовать шаманство: они жгли, вѣшали, рубили и грабили шаманство, когда же въ народѣ поднялось волненіе, то Русскіе должны были сами разслѣдовать дѣло о медали Заяева. Было однако уже поздно и дѣло это, окончившееся въ 1772-мъ году, выяснило только, что Буряты считаютъ своихъ ламъ числомъ не 324, а 617.

Съ этого времени правительство начало уже обращать вниманіе на усиленіе ламства въ Забайкальи; хотя, къ несчастію, тогдашнее иркутское начальство, очевидно, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ этой вѣрѣ, заботилось не о дѣйствительномъ ограниченіи ламства, а главнѣйше объ исправномъ сборѣ государственныхъ налоговъ. Въ предписаніи отъ 13-го марта 1773 года на имя Хоринскаго тайши, Бурятамъ дозволялось въ каждомъ родѣ имѣть свой дацанъ и узаконенное, штатное число духовенства, остальные же хотя и могли посвящаться въ ламы, однако наравнѣ съ простолю-

динами должны были вносить подати. Само собою разумѣется, что такое распоряженіе не только не стѣсняло буддистовъ, но еще давало имъ большій просторъ. Много ли значило уплатить 70, 80 коп., а между тѣмъ въ этомъ должны были найти спокойствіе обѣ стороны! И дѣйствительно буддисты начали чувствовать себя еще привольнѣе и буддизмъ еще развѣстѣе распустилъ свои вѣтки. Въ томъ же 1773-мъ году былъ построенъ Ходонскій деревянный дацанъ (храмъ) и въ него былъ привезенъ первый «Юмъ» изъ Монголіи. Въ 1783 году основана Тугнуйская хурѣ (монастырь). Въ 1795 г. построился Анинскій дацанъ, а какъ на постройку его не было испрошено разрѣшенія, то храмъ этотъ въ первое время числился «молитвеннымъ домомъ» хоринскаго тайши. Въ 1806-мъ году былъ воздвигнутъ, новый, и уже каменный Анинскій дацанъ, на постройку котораго въ первый разъ было собрано съ народа 33,162 р. а потомъ еще 12,103 рубля. Въ 1811 году построился каменный же Агойскій дацанъ и на него было израсходовано 49,630 р. Въ 1821-мъ году былъ впервые построенъ Цугельскій дацанъ, гдѣ началось настоящее изученіе Цанита. Отсюда начали расходиться уже дѣйствительно ученые ламы и вскорѣ ученіе Цанита было перенесено и въ монастыри Гусино-озерскій и Анвинскій. Пропорціонально этому увеличенію числа монастырей увеличивалось конечно и число ламства: по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1822-го года у Бурятъ оказалось уже 2,532 ламы при 19 монастыряхъ. Только съ этого времени начали у насъ видимо понимать значеніе ламства, заговорили о тяжести для народа этой массы безбрачнаго духовенства и начали заботиться о дѣйствительномъ ограниченіи числа его. И вотъ результатъ ряда этихъ ограниченій въ ихъ хронологической послѣдовательности.

Въ 1825 г. Управление Восточной Сибири положило признать штатными только 20 кумирень и при нихъ 293-хъ ламъ, остальные же кумирни, равно какъ и вся остальная масса ламъ обращались въ сверхштатныхъ; впрочемъ въ томъ же году составленъ былъ новый штатъ, по которому Бурятамъ допускалось имѣть 516 ламъ.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича было приступлено къ составленію новыхъ положеній относительно Бурятъ, исповѣдывающихъ буддизмъ; для разъясненія обстоятельствъ съ этою цѣлью были командированы въ Восточную Сибирь сначала Баронъ фонъ-Капштадтъ, а потомъ Сенаторъ графъ Толстой. Послѣдній, представивъ свой проектъ, предлагалъ значительно сократить число ламъ, такъ на примѣръ, изъ числа хоринскихъ восьми дацановъ онъ въ одномъ только ходонскомъ опредѣлялъ 20 ламъ, а въ остальныхъ число ихъ, по его мнѣнію, не должно было превышать 15. Вслѣдъ за симъ откомандировывалась съ цѣлью изслѣдованій еще

цѣлая масса чиновниковъ мѣстнаго, иркутскаго управленія, хотя дѣятельными изъ этихъ изслѣдователей были очень не многіе. Еще далѣе начали требовать свѣденій и справокъ отъ тайшей и родоначальниковъ, отъ ханбо ламы и ширѣтуевъ. А между тѣмъ уходили годы и даже цѣлые десятки лѣтъ; пока собирались справки и производились изслѣдованія, буддизмъ по старому росъ и ламы пожалуй даже еще бойчѣе завербовывали бурятскую молодежь въ свои монастыри. Въ 1842-мъ году иркутское начальство снисходя къ просьбамъ Бурятей допустило у нихъ существованіе 34-хъ кумиренъ съ 580-ю ламами, остальные же капища приказало уничтожить. Замѣчательно, что въ томъ же году по собраннымъ свѣденіямъ, число ламъ оказалось 5,545 душъ т. е. масса ихъ въ то самое двадцатилѣтіе, когда изыскивались средства къ ограниченію буддизма, производились ревизіи и всякаго рода разслѣдованія, увеличилась больше чѣмъ вдвое. Въ слѣдующемъ 1845-мъ году, по свѣденіямъ, собраннымъ въ степяхъ совѣтникомъ Главнаго Управленія Восточной Сибири Безносиковымъ, оказалось, что у однихъ только Хоринцевъ считалось 4,653 ламы. Эта масса должна была буквально поразить правительство. Затребовали справки отъ ханбо ламы, вѣдавшаго бурятское духовенство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ханбо-лама въ своемъ отвѣтѣ долженъ былъ уменьшить дѣйствительное число, но и то что было сообщено имъ уже было достаточно вѣско. Въ донесеніи отъ 30-го января 1846 г. за № 45-мъ ханбо лама отвѣчалъ, что всего въ его вѣдомствѣ насчитывается 34 дацана (монастыря), 144 отдѣльныхъ храмовъ и 4509 ламъ. По сообщеніи обо всемъ этомъ въ Петербургъ, министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ былъ командированъ въ бурятскія степи камеръ-юнкеръ графъ Левашевъ, который, осмотрѣвъ на мѣстѣ положеніе дѣлъ, представилъ докладъ, легшій въ основу новыхъ положеній о бурятскомъ ламайскомъ духовенствѣ. Положенія эти удостоились высочайшаго утвержденія 13-го марта 1853 г. Они устанавливали у Бурятей 34 дацана, 280 ламъ и 35 такъ называемыхъ учениковъ вѣры, т. е. подготовлявшихся къ принятію ламскаго званія. Ко времени обнародованія этого положенія относится первый изъ находящихся у насъ документовъ. Это писанное къ одному монгольскому хутухтѣ письмо, въ которомъ Буряты печалуются на свою жалкую судьбу, ради красоты составляютъ разнаго рода небылицы и наконецъ просятъ хутухту помочь ихъ горю своею молитвою. Представляемъ точный текстъ и переводъ этого любопытнаго документа, вполне увѣренные въ томъ, что онъ самъ по себѣ укажетъ теперь нашимъ читателямъ суть дѣла.

по пяти ламъ, да и тѣхъ, говорятъ, заберутъ въ далекія русскія страны и до тѣхъ поръ, пока не окончатъ они изученія русскихъ книгъ, не дозволятъ имъ изучать священныя книги нашей нарочито важнѣйшей вѣры; говорятъ, что будутъ дѣлаться ламами послѣ того, какъ изучать книги относительно установленныхъ обычаевъ русскихъ. Если это такъ, то намѣреніе русскихъ исполнится въ томъ случаѣ, если вовсе не будетъ производства ламъ, такъ какъ (буряты), вслѣдствіе обширности (русскаго) обученія, будутъ учить русскія книги до конца жизни, и, прошедши ихъ, уже не будутъ имѣть возможности изучать свои священныя книги. Прежнія церковныя достоинства шанцобы, поряжи и прочія должности уничтожили, воспретили совершенно принятіе духовнаго званія изъ за благочестія и, если попадетъ такое лицо, то обоямъ и посвятившемуся и посвятившему будутъ рубить головы. Приказано запретить изученіе буддійскихъ, богословскихъ наукъ, и даже живущимъ въ степеняхъ прихожанамъ приглашать (ламъ) для чтенія номовъ. Считая желтую вѣру ниже и хуже чѣмъ поклонниковъ вѣры онгоновъ (-шаманства), они (т. е. русскіе) унижаютъ ее. Сверхъ того сокращая ламъ и восхваляя шаманство, они думаютъ, что, заставивъ послѣдователей желтой вѣры исповѣдывать шаманизмъ, въ концѣ концовъ принудятъ ихъ войги въ вѣру русскую.

Поэтому то ради укрощенія гибели вѣры и хуваракъ и ради постепеннаго возвышенія вѣры будды, ламства и мудрости пониманія (основъ вѣры), ввѣряемъ себя милосердому покровительству ламы вачжра дары и, окончивъ мольбу отъ всего сердца, чтобы только не явиться съ пустыми руками, приносимъ въ мандалъ слѣдующія вещи: одинъ хадакъ-ванячъ; серебряныя часы; зрительную трубу; 180 коралловъ; два желтыхъ соболя; 4 аршина сукна; вмѣстѣ съ 26 аршинами бархату (далѣе оторвано)

Въ припискѣ: «Здѣсь молясь тремъ драгоценностямъ мы отслужили гурумъ (молебствіе). За симъ, относительно обстоятельствъ совершенія тамъ (т. е. въ Монголіи) монастыря и богослуженія, мы написали и послали въ особомъ письмѣ, написанномъ по тибетски. Думаемъ, что если какъ слѣдуетъ совершить эти молебствія и постараться съ благоговѣніемъ и вѣрою, то (русскіе) будутъ не въ состояніи сдѣлать такое великое зло для вѣры.»

Настоящее письмо уже въ достаточной степени показываетъ, въ какомъ возбужденномъ состояніи находились Буряты вслѣдствіе изданія новыхъ положеній о буддистахъ. Необходимо впрочемъ замѣтить, что одинъ этотъ документъ еще не въ состояніи выяснить намъ истиннаго положенія дѣла. Судя по нему, можно предположить, что Буряты простодушно довѣряли всѣмъ, носившимся въ то время по степямъ слухамъ (какъ напр. о назначеніи смертной казни самовольно посвятившимся въ ламы, о вос-

прецении вызывать ламъ въ степь для совершенія религиозныхъ требъ, о вызовѣ готовящихся къ принятію ламскаго званія въ Россію для полученія образованія и пр.) и запуганные этими предполагаемыми новшествами, искали спасенія отъ нихъ только у Будды, да у его земныхъ представителей—гэгэновъ. Но на дѣлѣ это было далеко не такъ. Другой документъ свидѣтельствуемъ намъ, что Бурятамъ до мельчайшихъ подробностей были извѣстны не только всѣ дѣйствія, но и намѣренія русскаго правительства и что если передъ своими монгольскими собратіями пѣли они жалобныя пѣсни, то у себя дома они давно уже составили планъ какъ обойти всѣ эти новшества и что предпринять противъ этихъ нововведеній. Совладать со всѣмъ этимъ бурятамъ было очень не трудно именно въ силу того, что наши администраторы не имѣли ни малѣйшаго понятія о буддизмѣ. О льготахъ для построенія новыхъ храмовъ Буряты напрямѣръ и не хлопотали; они хорошо знали, что ни одинъ изъ русскихъ чиновниковъ не знаетъ, что такое буддійскій храмъ и не сѣмѣетъ отличить его отъ простой буддійской моленной, или отъ часовни: въ народѣ еще живо было преданіе о томъ, что цѣлый аниискій монастырь чуть ни двадцать лѣтъ числился у мѣстной администраціи моленной хоринскаго тайши, да и теперь на глазахъ Бурятъ было раскинуто по степи 144 буддійскихъ храма, которые у русскихъ считались не болѣе какъ часовнями. И такъ безпокоишься было не о чемъ, можно было настроить еще сотню такихъ храмовъ и увѣрить начальство, что все это простыя домовныя молены. Гораздо труднѣе для Бурятъ было спасти свое духовенство. Русскіе въ это время уже привыкли отличать духовную особу отъ свѣтской: они знали, что всѣ ламы обязаны брить свои головы, что высшія степени буддійскаго духовенства должны носить платье желтаго цвѣта, а низшія — краснаго цвѣта. Обойти первую примѣту еще была возможность: ламы выяснили и себѣ и народу, что можно не брить волосы, а стричь ихъ подъ гребенку (въ монголо-буддійскихъ постановленіяхъ относительно снятія волосъ съ головы стоитъ глаголъ *кэрчиху*, что значитъ «срѣзать», — срѣзать бритвою или ножницами, это оказалось все равно); но какъ было поступить съ одеждою? Красные халаты составляютъ дѣйствительно особенность ламъ *низшаго* ранга и слѣдовательно большинства, а между тѣмъ обстоятельство это было извѣстно русскому чиновничеству, и стало быть ни одинъ лама не могъ укрыться отъ него. Тогда Буряты порѣшили на общемъ совѣтѣ сдѣлать представленіе русскому правительству, что красный цвѣтъ костюма есть національный цвѣтъ бурятскаго платья, а потому-де употребленіе его должно предоставить волѣ каждаго. Вообще подобныхъ вопросовъ возбуждалась цѣлая масса; всѣ они вызывали собою народныя собранія, послѣ которыхъ посылались просьбы, дѣлались пред-

ПЕРЕВОДЪ.

Служи:

Хоринскіе: голова Гонбо Вачировъ, Дугаръ чжабъ Вачировъ, Баатай Тархаевъ съ товарищами пришли и разсказывали слѣдующее:

Касательно отъѣзда въ Иркутскъ: 10-го сентября собиравльсь въ Хоринской степной думѣ и постановили, чтобы оттуда, выяснивъ обстоятельства, отправились Ринчинъ Номтоевъ и Гонбо Вачировъ. Дѣло ихъ во 1-хъ въ томъ, чтобы (испросить разрѣшеніе) носить для всѣхъ платье, не отличающееся отъ (платья) штатныхъ ламъ; а во 2-хъ (испросить) совершеннаго отдѣленія отъ перекрестившихся, съ тѣмъ чтобы послѣдніе были перечислены въ земское вѣдомство.

На возвратномъ пути Синельникова главный лама съ товарищами ѣхали вслѣдъ за нимъ до Нохойской станціи съ тѣмъ, чтобы доложить о дѣлахъ вѣры, но не могли догнать его, остановились. Ширѣту Анинскаго дацана, сопровождая Синельникова, испрашивалъ разрѣшенія во 1-хъ чтобы помимо штатныхъ всѣ другіе имѣли право носить платье какого бы то ни было цвѣта (хоть бы и краснаго); а во 2-хъ чтобы дозволено было безпрепятственно изучать священныя книги на тибетскомъ и монгольскомъ языкахъ. Синельниковъ, говорятъ, сказалъ: «Вѣдь (всѣ) ваши, которые ходятъ безъ косы, — ламы?! И, изучать книги своей вѣры и на своемъ языкѣ (вамъ) не воспрещено!

Касательно дѣла, представленнаго Дигмару: Оно было на разсмотрѣніи у совѣтника Скрильникова. Послѣдній вмѣстѣ съ совѣтникомъ Савенко, соображаясь съ положеніями, на своемъ совѣщаніи хотя будто бы и сговорились, что не воспрещается инородцамъ носить какое бы то ни было платье, тѣмъ не менѣе приказа объ этомъ ничего нѣтъ. Хотѣли было получить копію, но такъ какъ дѣло это въ рукахъ у совѣтника, то не было возможности.

Приказомъ Синельникова совѣтникъ Семеновъ, получивъ 250 р. дорожныхъ прогоновъ, отправляется въ степь срокомъ на три мѣсяца, чтобы разслѣдовать о ламахъ (проживающихъ) сверхъ штата, и о противузаконныхъ поступкахъ ламъ штатныхъ. Дѣло это онъ получалъ 10-го сентября; но, когда онъ отправится и въ какую сторону — неизвѣстно.

По приказу Генераль-губернатора, исправникомъ дано подтвержденіе главному тайшѣ, что всѣ штатныя ламы, которые будутъ дѣйствовать противузаконно и тѣ люди, которые будутъ исполнять ламскія обязанности (очевидно дѣло идетъ о самовольно принявшихъ ламство), согласно 27-го параграфа новыхъ положеній, будутъ отсылаемы на поселеніе въ Якутскую

область. Объ этомъ слышали отъ письмоводителя исправника. Относительно поѣздки совѣтника Семенова слышали отъ Тарба Намчжилова.

Помощникъ исправника Муромовъ застрѣлился, а на мѣсто его говорятъ будетъ г. Федоровъ. По поводу самоубійства его, говорятъ, нѣтъ ничего особеннаго.

Объ иркутской поѣздкѣ въ настоящее время нѣтъ ничего положительнаго. Не будетъ ли она задержана поѣздкою Семенова? Хотя и намѣревались (кто?) сдѣлать вторичный докладъ по своему дѣлу, представленному генералу* Дитмару, но, побоявшись предшествовавшаго обстоятельства, остановились.

Дѣло захваченнаго здѣсь курбинскаго лацаба и его товарищей передано въ вѣденіе земскаго засѣдателя, но еще не окончено.

Дѣло о Заруна'скомъ штатномъ (ламѣ) Сойцоронѣ Морхонаевѣ, который былъ захваченъ на степи въ своей юртѣ, разслѣдуютъ земскій засѣдатель съ хоринскимъ тайшею, депутатомъ и ухэрскимъ миссіонеромъ. Бывшихъ съ нимъ маленькихъ хуvaraковъ отдали подъ надзоръ въ юртахъ, а двухъ постарше, говорятъ, привлекли къ слѣдствію. Объ этомъ ходятъ большіе слухи.

Уже одинъ № этой газеты можетъ свидѣтельствовать намъ, какъ зорко слѣдили Буряты за ходомъ событій и какъ своевременно могли они предпринимать и дѣйствительно предпринимали всякія мѣры въ противодѣйствіе нововведеніямъ, вносимымъ въ ихъ жизнь русскимъ законодательствомъ и отдѣльными постановленіями мѣстнаго начальства. Благодаря этой зоркости черезъ нѣсколько лѣтъ жизнь Бурятъ снова потекла своею обычною колеєю. По прежнему вели они свои сношенія съ Монголіей, по прежнему переходили монгольскую границу и свободно проживали цѣлые года въ халхаскихъ монастыряхъ, а монгольскіе ламы въ свою очередь бродили по бурятскимъ степямъ, ратуя о дѣлахъ вѣры и собирая съ Бурятъ обильныя подаянія. Проф. Васильевъ, припоминая событія изъ своей жизни въ Пекинѣ, рассказываетъ, что въ одно время его буквально осаждали тамъ монгольскіе ламы съ распросами, какъ бы пробраться имъ въ нашу благословенную Россію. Дѣло въ томъ, что въ Пекинѣ въ ту пору пронесся слухъ, будто въ нашихъ бурятскихъ степяхъ проживаютъ такіе щедрые милостынедатели, что отъ нихъ простой проходимецъ, назвавшійся хубилганомъ, увезъ добычу на 50 верблюдахъ, навьюченныхъ серебромъ, кораллами, дорогими мѣхами, сукнами и шелковыми матеріями. Въ этомъ нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго и нижеслѣдующая росписка свидѣтельствуешь, что въ бурятскія степи являются ламы и подалеже чѣмъ изъ Пекина.

Всеобщаго правителя 9-й годъ 1-й осенней луны 15-го числа (это соотвѣтствуетъ августу мѣсяцу 1870-го года).

Росписка эта была дана съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ этикета великихъ буддійскихъ обителей. Она написана на квадратномъ клочкѣ желтаго шелковаго атласа, каковой цвѣтъ, какъ цвѣтъ религіозный, свидѣтельствовавъ о святости приношенія; самое употребленіе атласа вмѣсто бумаги очевидно было рассчитано и било на эффектъ; росписка скрѣплена тремя монастырскими печатями, съ начертанными на нихъ письменами монгольскаго и китайскаго алфавитовъ, — что какъ будто бы напоминаетъ о пожалованіи монастырю этихъ печатей сыномъ неба — великимъ повелителемъ срединнаго государства.

Гораздо проще ведется дѣло у Бурятъ съ сосѣдящею имъ Халхою и это конечно обуславливается прежде всего близостью и болѣе частыми сношеніями. Монгольскіе ламы постоянно бродятъ по степямъ Забайкалья, въ свою очередь и бурятскіе то и дѣло являются въ Монголію, то для изученія номовъ, то для поклоненія тамошнимъ святынямъ, то просто на празднества и торжественныя церемоніи. Изъ монгольскихъ монастырей Буряты болѣе часто посѣщаютъ Ургу, Эрдэни-цзу, Амуръ баяхуланту и нѣкоторыя другія прославленныя обители аймака Тушѣту хана; что же касается Сэцэнъ-хановскаго аймака и особливо сѣверныхъ границъ его, соприкасающихся бурятскимъ кочевьямъ, то Буряты здѣсь могутъ быть названы «своими». Въ Сэцэнъ-хановскомъ аймакѣ они имѣютъ даже своихъ гегеновъ покровителей, изъ которыхъ самую большею популярностію пользуются у нихъ Хухэнъ-хутухту и Ганчжорва гэгэнъ. Можно сказать, что ни одно событіе и предпріятіе изъ жизни религіозной не проходятъ въ этомъ аймакѣ безъ участія Бурятъ. Во время моего пребыванія на Керуленѣ въ ставкѣ бэйсэ, тамъ строился новый храмъ; Буряты, какъ истинные ревнители благочестія, пожертвовали въ этотъ храмъ желѣзо и стекла, — предметы первой дороговизны въ Монголіи. Совершаются приглашенія къ такого рода жертвованіямъ уже совѣмъ просто. Мы имѣемъ у себя образецъ такого приглашенія въ письмѣ Ганчжорва гэгэна къ ширѣтую гуновскаго дацана. Оно представляетъ собою форму дружескаго письма, писаннаго на простомъ клочкѣ бумажки, и, по обычаю всѣхъ гэгеновъ, утвержденного двумя малыми гэгеновскими печатями, приложенными на первой и на послѣдней строкѣ посланія. Вотъ оно въ точномъ своемъ текстѣ и переводѣ.

И такъ подобно тому какъ Монголы посылали за сборомъ подаяній къ Бурятамъ, Буряты также точно посылали своихъ сборщиковъ въ Монголію; отсюда естественно слѣдуетъ, что если въ нашей литературѣ мы и встрѣчаемся съ массою фактовъ, свидѣтельствующихъ объ эксплуатаціи нашихъ Бурятъ данниками китайскаго богдохана, то выводы изъ этихъ фактовъ отнынѣ должны подлежать значительному ограниченію, ибо, насколько намъ помнится, доселѣ никто и никогда не говорилъ еще о томъ, что и Буряты также точно находятъ для себя помощь въ Монголіи. Удовлетворительное рѣшеніе вопроса объ эксплуатаціи Бурятъ, получится слѣдовательно только тогда, когда мы приобрѣтемъ свѣдѣнія и безпристрастно разберемъ, что даютъ Буряты въ Монголію и что получаютъ онъ нея. Для насъ пока остается одинъ неоспоримый фактъ, это фактъ тѣсной связи Бурятъ съ Монголіею. Мы конечно склонны думать, что отъ этой, повидимому, взаимной помощи остаются въ барышахъ всегда Монголы; это обуславливается, частію бѣльшимъ богатствомъ и зажиточностію Бурятъ, частію обиліемъ халхаскихъ монастырей, частію наконецъ процвѣтаніемъ буддизма въ Монголіи, въ силу котораго Буряты благоговѣютъ предъ монголо-халхаскими монастырями не только потому, что она являются старѣйшими буддѣйскими обителями, но и потому, что они имѣютъ въ себѣ много такихъ святынь, которыя совершенно не доступны для монастырей бурятскихъ. Народъ, стоящій на низшей степени развитія, совершенно безотчетно влечется къ этому загадочному для него міру святынь и бессознательно преклоняется предъ его таинственною высокою. Это чувство еще больше поддерживается у бурятъ ихъ собственными ламами. Отсюда, можно положительно сказать, что съ одной стороны влияніе ламства, а съ другой полнѣйшее невѣжество громаднаго большинства Бурятъ въ пониманіи того, что такое представляютъ собою Монголія и Монголы, служатъ основною причиною тяготѣнія Бурятъ къ Монголамъ, а за симъ являются и исходною точкою, на которой зиждется эксплуатація Бурятъ Монголами. Сами бурятскіе ламы теперь уже хорошо понимаютъ характеръ не только монгольскихъ, но даже и тибетскихъ своихъ собратій. Собственный горькій опытъ постоянно научаетъ ихъ осторожности, а вмѣстѣ съ симъ показываетъ и то, что въ странахъ святыни живутъ точно такіе же грѣшные люди. Мы имѣемъ у себя подлинникъ письма одного бурятскаго ламы, которое писалъ онъ своимъ сородичамъ изъ Тибета: въ свѣдѣніяхъ и совѣтахъ, составляющихъ содержаніе этого письма нельзя не видѣть очень много знаменательнаго:

ПЕРЕВОДЪ.

Омъ-сости! Если есть въ средѣ вашей люди, намѣревающіеся для обученія придти сюда, въ Тибетъ, хорошо, если бы они пришли поскорѣе. Вообще, было бы очень хорошо, если бы приходили, по возможности, ниже пятнадцатилѣтняго возраста. Такъ какъ молодой возрастъ способнѣе къ перенесенію климатическихъ перемѣнъ, къ изученію священныхъ книгъ, къ усвоенію монастырскихъ обычаевъ и всего такого, то молодой человѣкъ и хорошъ. Тѣмъ не менѣе если будетъ и человѣкъ ниже тридцатипятилѣтняго возраста, онъ можетъ учиться. Человѣку большихъ лѣтъ жить (въ ученіи) не возможно и причина этого въ томъ, что какъ ни велико ученіе цанита, но все его должно затвердить и читать безъ запамятованія. А какъ у человѣка пожилыхъ лѣтъ память ослабѣваетъ, то онъ не будетъ въ состояніи затвердить все, поэтому то и говорится, что не нужны пожилые люди. Кто придетъ, долженъ придти, упрочивъ свое содержаніе. Если въ состояніи, то и тысяча ланъ не будетъ много; тѣмъ не менѣе если придетъ человѣкъ, имѣющій содержаніе свыше двухъ сотъ ланъ, то перебиваясь и ухищряясь онъ можетъ прожить здѣсь нѣсколько лѣтъ; но хорошо жить нельзя. Кромѣ серебра другихъ какихъ бы то ни было вещей брать не нужно. Если есть дома хоть одинъ квадратъ шелковой матеріи, нужно взять его; за всѣмъ тѣмъ покупать откуда нибудь не нужно. Такъ какъ шелковыя матеріи, хадаки и тому подобныя вещи здѣсь дешевы, то и брать ихъ нѣтъ надобности. Отъ дома до Тибета въ промежуточномъ пути необходимыя продовольствія и подводы таковы: Если идти среднюю, черезъ Китай, то до Пекина средства переѣзда легки, а въ пищу живой скотъ, — хорошо. За Пекиномъ до Андо если будетъ тысяча ланъ, нужно двѣ подводы, а съ 500, 600-ми ланъ можно и на одной хорошей подводѣ. Отъ Андо до Тибета если будетъ тысяча ланъ, можно на четырехъ вьючныхъ подводахъ, а съ 500, 600-ми ланъ, можно и на трехъ. Въ дорогѣ должно заботливо присматривать и беречь свое продовольствіе. Прежде я расходовалъ безъ бережливости и съ большимъ изобиліемъ; а потому теперь, порѣшивъ свои припасы, мучаюсь безъ товарища. Если своего не пожалѣешь, то чужое кто будетъ жалѣть. Въ настоящее время не найдешь товарища добраго, у котораго не было бы черныхъ намѣреній, а потому и должно думать о себѣ самому.

Во всѣхъ дѣлахъ счастье и святость!

А. Позднѣвъ.